

стоял какой-то громоздкий экипаж — нечто в роде локомотива, — который будучи пущен в ход, производил своей внутренней машиной невероятно-дикую, громкую музыку. Тут же, наконец, демонстрировали и ручного медведя.

Самым торжественным моментом праздника считался день перехода души реформатора буддизма от земной жизни к состоянию вечного бессмертия... Вечером, 5 ноября, по знаку сигнальной трубы, Гумбум весь наполнился звуками труб и раковин; в соединении с голосами тысячи лам, выстроившихся на возвы-

Гумбум. Субурган с арычным проходом.
Временный базар.

шениях храмов и певщих молитвы в полголоса, эта музыка создала своеобразную, мягкую гармонию. Вдоль порталов кумирен, как по волшебству, загорелись сотни плашек и, раскинувшийся амфитеатром по горному скату, монастырь засверкал огнями. Картина получилась очень эффектная... К

восьми-девяти часам вечера всё смолкло и обитель погрузилась в полную тишину.

Жертвенная чашечка.

Два дня, проведенные мною в Гумбуме, прошли крайне разнообразно; я жил, как и прежде в монастырском подворье Чжаяк-ламы. Здесь меня никто не стеснял, и я проводил время по-своему усмотрению. Закончив переговоры с чиновниками Далай-ламы и сдав им драгоценные подарки для его святейшества, я попробовал завязать сношение с настоятелем Гумбума — Ачжя-гэгэном и отправил ему в дар кусок прекрасной парчи. Однако, мой привет остался без ответа и проживавший по

Сэр-гон или золотая лампада.